

UDC 327.8

THE FACTOR OF MOBILITY FROM THE SOFT POWER POINT OF VIEW

Kovba Daria Mikhailovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Annotation

The paper explores the relationship between categories of mobility and soft power. It is pointed out that different types of mobility can be indicators and sources of state's soft power.

Key words:

soft power, mobility, resources of power, public diplomacy.

УДК 327.3

ДИСКУРС МОБИЛЬНОСТИ В ИСЛАМЕ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАМНЕЗ

Исаков Александр Сергеевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Аннотация

Доклад посвящен формированию анамнеза дискурса мобильности в исламе. Автор делает попытку обобщить связанные с мобильностью дискурсивные комплексы и выявить пути их исторической детерминации. История вопроса рассматривается в триедином ключе, как совокупное влияние идеи изменений в трех кейсах: младотурецкой революции 1908–09 годов; июльской революции 1952 года в Египте и исламской революции в Иране 1979 года. Рассматривается антагонизм понимания и реализации концепта мобильности в условиях западной и восточной политик. В заключении обозначаются особые дефиниции, связанные с дискурсом мобильности современности. Также в рамках предложенного подхода рассматривается наиболее вызывающий проект современности – группировка «Исламское государство».

Ключевые слова:

политический ислам, мазхаб, дискурс мобильности, дискурс изменений, исламские революции, Арабская весна, Исламское государство.

Последние годы отметились в общественных науках особым интересом к политическим изменениям и продуцируемым ими последствиям. На этой основе происходит формирование новых дискурсивных комплексов, способных воспроизводить эвристическую декомпозицию исследуемых смыслов. Одним из таких комплексов, в отношении которого академическим сообществом проявляется особое внимание, является дискурс мобильности.

Дискурс мобильности является отражением ускоряющегося темпа современной жизни, детерминируемого глобализацией. В целом, данное измерение дискурса затрагивает социально-политические процессы, связанные

с изменениями, адаптацией, динамикой, передвижением. «Пристальное внимание к дискурсу мобильности связано с пониманием большой значимости разнообразного рода подвижностей людских, вещественных и информационных потоков в процессе формирования новых конфигураций социального пространства и времени. Ставший очевидным такой признак современности как ускорение социальной динамики, потребовал от обществоведов переключения на новую систему понятий, метафор, образов, концептов, способных сформировать особую исследовательскую оптику» [11, с. 245].

Большинство этих процессов, выраженных в ипостаси современных и постмодерновых

действий, являются атрибутами западной политики и западной же цивилизации. Их проекция на восточную политику, в качестве добровольной рецепции или навязанного транзита, вызывает разрушение автохтонных особенностей восточного социума. Поэтому аутентичная специфика восточного социума оказывает системное смыслообразующее влияние на любые процессы мобильности или адаптации, привнесенные современным образом жизни как продуктом западного мира.

Наиболее значимым исследовательским фрагментом восточной политики является исламская политика. На сегодняшний день именно исламские страны стали признанным хедлайнером политических смыслов, бросающих глобалистский вызов миру победившей глобализации. С другой стороны, именно мусульманскими странами продуцируется репертуар актуальных угроз современности, например – группировка «Исламское государство». В связи с этим, вполне закономерным является обращение к дискурсу мобильности в рамках политического ислама, изучения его анамнеза: траектории исторических предпосылок и современного состояния.

Исторически, ислам как религия имеет большой потенциал мобильности. Обращаясь к рассмотрению политической роли, он был призван расширить пространство аравийского полуострова, априори имевшего номадскую специфику. Далее, в моменты своего распространения в юго-восточную Азию, ислам становится религией мореплавателей, исследователей и путешественников. Новая для Индии авраамическая религия игнорирует кастовые запреты, позволяет развивать в крупных портах торговлю, устанавливать межгосударственную коммуникацию на большие пространства, способствует социальной мобильности в целом. Такая историческая картина способствовала закреплению за исламской религией цивилизаторского статуса.

Конец мессианских начинаний мусульманского мира был положен европейскими странами. Образовавшееся в результате схизмы единое консолидирующее пространство

католической веры породило экстремальный феномен разрешения своих социальных и экономических проблем – крестовые войны. Конкретные политические последствия крестовых походов для стран исламского востока заключались в возникновении раздробленности и потери религиозного единства.

Подобный кризис способствовал переходу исламского мира в состояние добровольной автаркии, структурной дефиницией которой стало снижение мобильности и адаптивности в угоду консервации религиозного традиционализма. С другой стороны, была сформирована историческая задача – поиск ассоциированной с религией идеи, способной вернуть мусульманские страны в авангард мирового развития. Именно исторические катастрофы стали катализатором потребности в изменениях [13, с. 237–238].

Первые попытки выработать такие идеи были предприняты в XIII–XIV веках. Так как в исламском обществе «стойкие изменения в жизни общины обычно сопровождаются переосмыслением религиозной доктрины и религиозного поведения верующих» [6, с. 21], попытки мобилизации уммы были сопряжены с деятельностью различного рода сект и неклассических религиозных течений.

Наиболее крупного успеха удалось добиться реформам Ибн Ханбали и Ибн Таймийи. Предлагаемые ими преобразования ставили своей целью возвращение мусульманскому миру величия; одновременно имели реакционный характер, так как были инициированы увеличением влияния персов в исламском мире и тюркским завоеванием. Другой реформатор, Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб, высказал идею о необходимости абсолютизации исламской аутентичности и недопустимости рецепции западного опыта.

Однако формирование наибольшей институциональной потребности в изменениях, в мобильности смыслов и ценностей политического ислама относится к периоду колонизации. В результате экспансии европейских держав большинство мусульман в мире были разделены между сферами влияния; «это

обстоятельство повлияло на возникновение в национал-освободительной идеологии конца XIX века двух взаимоисключающих тенденций – панисламизма и национализма молодой буржуазии» [3, с. 11]. Данные тенденции позволили сформировать определенный модернистский концептуальный репертуар, призванный произвести «мобилизацию» исламского мира.

Соответственно, несмотря на внутреннюю ценностную ориентацию, любые попытки инициировать и интенсифицировать дискурс мобильности зиждильсь в западной политике. Поскольку большинство мусульманских стран было колонизировано, то единственным предохранителем от завоевания стала идея собственного цивилизаторства, т. е. самостоятельная рецепция западного образа жизни. «Главным эталоном для модернизации развивающихся стран стал опыт Запада» [5, с. 513]. Обосновывается это идеей, что «причиной изменившегося баланса между Востоком и Западом является не упадок Востока, а резкий подъем Запада: Великие географические открытия, научное движение, технологическая, индустриальная и политическая революция, преобразовавшие Запад и в огромной мере повлиявшие на создание его благосостояния и укрепление его власти» [7, с. 178].

Первая подобная концепция была реализована на институциональном уровне в начале XX века в Турции. Запущенный Мустафой Кемалем дискурс мобильности в молодой турецкой республике включал в себя обширный смысловой перечень, включавший в себя как минимум три измерения:

Во-первых, полное изменение дискурса пространства. Турецкому населению было предложено уйти в рамках сознания от бывших географических границ Высокой Порты как границ халифата и перейти к новым границам, имеющим нарратив традиционного проживания турецкого этноса.

Во-вторых, изменение дискурса идентичности. До младотурецкой революции 1908–09 годов, идентификация жителей Оттоманской империи всецело осуществлялась в космополитических рамках и выстраивалась на осно-

ве принадлежности к большой нации и идее халифата. Соответственно, после революции превалирует национализм как способ создания новой идентичности, носителями которой становятся буржуазия и молодые офицеры.

В-третьих, сдвиг дискурса изменений. Несмотря на частичную рецепцию западных технологий, Высокая Порты не осуществляла копирование западного образа жизни и не рассматривала западную политику как эталон общественного развития. В новообразованной Турецкой республике была произведена смысловая деконструкция – абсолютизирована идея самостоятельного воспроизводства цивилизаторской миссии, для чего было необходимо полное копирование западного образа жизни.

Также был кардинальным образом пересмотрен статус и роль духовенства в обществе. Если ранее они являлись привилегированным социальным слоем, регулирующим дискурс мобильности, цензурирующим общественно-политическое развитие, то в современной Турции они были низведены в статус государственных служащих и стали элементом проведения государственной политики.

Именно в рамках данных направлений был положен курс государственного развития Турции первой половины XX века, приведший к конвергенции государства и имманентному включению в состав западной политики. Турецким правительством осуществлялась активная артикуляция идеей свободы как неотъемлемой составляющей жизни. Следствием этого также стала делимитация практической политики и общественной деятельности: «для турецкой общественно-политической мысли характерно стремление рассматривать гражданское общество и государство в отрыве друг от друга» [5, с. 224].

Вторая концепция идейной «мобилизации» в исламском мире стала следствием начала Холодной войны. В противовес Соединенным Штатам, имевших стойкие дискурсивные связи со странами исламского мира – реципиентами демократии, Советский Союз был вынужден предлагать собственные инвариации дискурса мобильности. Основной

целью подобной новеллы было формирование иного вектора политических изменений, также имевшего целью возвращение величия исламскому миру, но стойко ассоциированному со странами соцлагеря.

Практическая реализация данной концепции была осуществлена в Египте после июльской революции 1952 года. Ее кульминация связана с деятельностью президента Гамала Абдель Насера, вынужденно ориентировавшего развитие страны на СССР после национализации Суэцкого канала в 1956 году.

Аксиологическая база предполагала строительство мусульманского общества на основе принципов социализма, а именно, – ограничении личностных прав, акцентируя роль социума как гаранта сохранения истинно-религиозной гегемонии и саморегулирования, обеспечивающего сохранение единства уммы. Соответственно этому изменяются дискурсивные практики общественно-политического развития.

Во-первых, происходит идеологическая инверсия. Большинство колониальных стран получают презумпцию регрессивного сотрудничества, предполагающую асимметрию международных контактов с ними, что влечет за собой экономические проблемы. При этом, политические контакты с социалистическими странами преподносятся как транспарантные и соответствующие целям социально-политического развития.

Во-вторых, происходит частичная рецепция советского дискурса. Египет и дружественные страны заимствуют социалистическую риторику, основной дискурс марксизма, безотносительно цели его реальной последовательной реализации, адаптируют свою символическую политику. При попытке транзита научного социализма происходит решительный отказ; принцип заменяется концептом «Арабский социализм», включающим в себя все элементы оригинала за исключением атеизма.

В-третьих, изменение дискурса идентичности. Как страна с недавним колониальным прошлым, Египет к середине XX века находился в состоянии частичной аномии иден-

тичности, предполагавшей разные векторы ее реализации, основанные на абсолютизации нескольких этнических образований, как мисри или бедуины, арабском ирредентизме и исламском космополитизме. Аксиологическим компромиссом стал условный курс на панарабизм за счет превращения Египта в региональный аналог СССР. При этом «панарабизм... суживал сферу действия исламской исключительности и «исторической миссии ислама» рамками арабского региона. Но, являясь разновидностью «укрупненного» национализма, враждебно был встречен панисламистами» [3, с. 11].

Более современная интерпретация египетского опыта, в контексте марксизма, озвучена политологом Самиром Амином. Им дается приземленная интерпретация социализма в проекции на мусульманский мир с позиции экономики, добавляя туда и вызов современности – глобализацию. Его социально-политические взгляды выстраиваются вокруг критики мировой капиталистической системы в целом, ее либеральных ценностей и пагубного образа жизни. Амин настаивает на том, что капитализм точно не сможет обеспечить эффективное развитие исламского мира, особенно в контексте глобализации. «Создание настоящей альтернативы современной системе глобализованного либерального капитализма нуждается в других требованиях, в частности, признания огромного множества потребностей и устремлений народных классов мира» [1].

Поскольку обе вариации дискурса мобильности как адаптационного механизма к современности не стали модернизационными универсумами, появляется третья вариация, основанная на аутентичном опыте ислама как религии. Ее появление прослеживается в идеях великого аятоллы Рухоллы Хомейни, являвшегося идейным лидером исламской революции в Иране 1979. Утилитарным поводом для революции послужил ряд неудач в управлении государством и неэффективная экономическая политика.

После революции в Иране были полностью упразднены принципы светского государства. Авангардом новой общественной системы

стало исламское духовенство. Соответственно этому подверглась изменению часть дискурсивных комплексов.

Во-первых, самое значимое изменение претерпел дискурс повседневности. Происшедшие после революции изменения декларативно основывались на антагонизме идеи мобилизации, провозглашая, что основной ценностью является сохранение самобытности и традиций. Революция осуществила юридическое оформление мусульманского образа жизни и законов шариата как неотъемлемых частей любых политических изменений.

Во-вторых, кардинальному переосмыслению подвергся дискурс идентичности. Дореволюционный режим шаха Мухаммеда Резы Пехлеви ориентировался на создание национального персидского государства по турецкому образцу. Пришедшее к власти духовенство полностью свернуло эти начинания, провозгласив априорный характер исламского космополитизма. Стоит заметить, что подобное действие актуализировало внутрисламский конфликт по линии дихотомии сунниты-шииты, так как общеисламская идентичность предполагалась только на основе варианта веры последних.

В-третьих, значимому переосмыслению также подвергся дискурс изменений. Если ранее основой для любых политических изменений служили процедуры октроирования воли правителя, сопряженные с некоторыми элементами демократических стремлений, например, времен Мохаммеда Мосаддыка, то сейчас акцент сместился в сторону духовенства. Именно высшие муджтахиды получили роль главного цензора и инициатора политических изменений за счет способности придавать любой общественно политической новации религиозную легитимность.

Подобный подход претендует на политическую нейтральность и универсальную пригодность для любой части исламского мира. Это достигается за счет того, что любые возникающие в результате политических изменений политические институты рассматриваются безотносительно шиитских традиций.

Современные идеи «исламской революции» обычно имеют ярко выраженный реакционный характер, теряя преемственность Ирана. Логика развития большинства политий, возникающих вследствие событий «Арабской весны», в сущности, является результатом исламской революции, и путь их развития детерминирован религиозным консерватизмом.

Именно эта реальность ставит новые вопросы относительно роли дискурса мобильности и потенциала «мобилизации» исламской политики с позиции политических изменений. Наиболее значимым проектом современности, в этом ключе, является группировка «Исламское государство». Признанная террористической в РФ, организация заявляет о собственной легитимности на реставрацию халифата и реинтеграцию нынешних мусульманских стран в рамки нового исламского мира.

Влияние данного дискурса на социально-политические процессы современности очевидно. С одной стороны, это явная военная угроза, однако находящаяся в рамках ближневосточного баланса сил. С другой стороны, это катализатор мобильности различных слоев населения во всем мире, находящихся в социальной автаркии, и симпатизирующих данному проекту. В виду этого, можно рассматривать данный кейс как попытку новой интерпретации мобильности в рамках исламского мира, однако, имеющей ярко выраженный гротескный характер.

Угроза транзита данных идей, на сегодняшний день, возможна в следующие страны: Ливия, Египет (Синайское отделение), Йемен, Сирия, Ирак, Афганистан; в зоне риска – Тунис, Саудовская Аравия, российский северный Кавказ, европейские мусульмане и неофиты. Данный масштаб позволяет говорить о возможности данного вызова структурно переосмыслить роль исламского востока в мировом политическом процессе. При этом делинквентный характер возможных последствий продиктован не внутренними устремлениями исламских политий, но имеют внешнюю детерминацию за счет поддержки революций, экономической эксплуатации и т. п.

Подводя итог, можно сделать вывод о следующей структуре политологического анамнеза дискурса мобильности в исламе. Концепт мобильности в рамках исламской политики сопряжен с политическими изменениями и особым процедурой их легитимации. Исторически мобильность имеет три институциональных кейса, реализованных на основе младотурецкой революции 1908–09 годов в Османской империи, июльской революции 1952 года в Египте и исламской революции в Иране 1978–79 годов. Данный исторический опыт не привел к формированию универсалий адаптации мусульманских стран к условиям мира победившей глобализации. Из-за этого возникает значимый ореол радикальных и экстремальных концепций, требующих полного реформирования контуров мироустройства. Наиболее вызывающим проектом, на сегодняшний день, является «Исламское государство».

1. Амин С. «Империя» и «Множество» [Электронный ресурс] // СKEPCIS. – URL: http://scepsis.ru/library/id_593.html.
2. Долгов Б.В. Динамика «арабской весны»: переходной этап. – URL: <http://www.ivran.ru/publications/228> (дата обращения: 23.03.2015).
3. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка – М.: Международные отношения, 2003.
4. Исаков А.С. Агональный дискурс в исламе: шииты против суннитов // Дискурс-Пи: № 1 (18), 2015.
5. Исламский фактор в истории и современности / Под ред. В. Я. Белокреницкий. – М.: Институт востоковедения РАН, 2011.
6. Левин З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть? Опыт системного и социокультурного исследования. – М, 2005.
7. Льюис Б. Что не так? Путь Запада и Ближнего Востока: прогресс и традиционализм. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003.
8. Малашенко А. Исламская альтернатива и исламский проект. – М, 2006. – С. 55.
9. Мамедова Н. Иранская модель модернизации // Мировое и Национальное Хозяйство. – 2008. – № 1 (4).
10. Мирский Г.И. «Арабская весна» – туманы и тревоги // Россия в глобальной политике. – 2013. – № 2.
11. Русакова О.Ф. Дискурс мобильности в современных коммуникациях // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 13 (184).
12. Фитун Л.Л., Абрамова И.О. Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской Африке» // Азия и Африка сегодня. – 2014. – № 12.
13. Islam and Modernity // Edited by M. Kh. Masud, A. Salvatore, M. van Bruinessen – Edinburgh: Edinburgh

University Press, 2009.

14. Nader A., Thaler D.E. The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran – Santa Monica, 2011. – P. 21.

15. Robinson L. An Assessment of the Counter-ISIL Campaign – Santa Monica: RAND Corporation, 2015.

1. Amin S. «Imperiya» i «Mnozhestvo» [E'lektronnyj resurs] // SKEPCIS. – URL: http://scepsis.ru/library/id_593.html.
2. Dolgov B.V. Dinamika «arabskoj vesny»: perexodnoj e'tap. – URL: <http://www.ivran.ru/publications/228> (data obrashheniya: 23.03.2015).
3. Zhdanov N.V. Islamskaya koncepciya miroporyadka – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003.
4. Isakov A.S. Agonal'nyj diskurs v islame: shiity protiv sunnitov // Diskurs-Pi: № 1 (18), 2015.
5. Islamskij faktor v istorii i sovremennosti / Pod red. V.Ya. Belokrenickij. – M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2011.
6. Levin Z.I. Reforma v islame. Byt' ili ne byt'? Opyt sistemnogo i sociokul'turnogo issledovaniya. – M, 2005.
7. L'yuis B. Chto ne tak? Put' Zapada i Blizhnego Vostoka: progress i tradicionalizm. – M.: ZAO «Olimp-Biznes», 2003.
8. Malashenko A. Islamskaya al'ternativa i islamskij projekt. – M, 2006. – S. 55.
9. Mamedova N. Iranskaya model' modernizacii // Mirovoe i Nacional'noe Khozyajstvo. – 2008. – № 1 (4).
10. Mirskij G.I. «Arabskaya vesna» – tumany i trevogi // Rossiya v global'noj politike. – 2013. – № 2.
11. Rusakova O.F. Diskurs mobil'nosti v sovremennykh kommunikacijax // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. – 2014. – № 13 (184).
12. Fituni L.L., Abramova I.O. Agressivnye negosudarstvennye uchastniki geostrategicheskogo sopernichestva v «islamskoj Afrike» // Aziya i Afrika segodnya. – 2014. – № 12.
13. Islam and Modernity // Edited by M. Kh. Masud, A. Salvatore, M. van Bruinessen – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
14. Nader A., Thaler D.E. The Next Supreme Leader: Succession in the Islamic Republic of Iran – Santa Monica, 2011. – P. 21.
15. Robinson L. An Assessment of the Counter-ISIL Campaign – Santa Monica: RAND Corporation, 2015.

UDC 327.3

DISCOURSE OF MOBILITY IN ISLAM: POLITICAL SCIENCE ANAMNESIS

Isakov Aleksandr Sergeevich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Graduate student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Annotation

The article analyses the anamnesis of discourse of mobility in Islam. The author attempts to generalize mobility-related discursive systems and identify ways of historical determination. History of this phenomenon consist of three parts: the Young Turk revolution of 1908–09 period; the July 1952 revolution in Egypt and the Islamic revolution in Iran in 1979. Author describe the antagonism of understanding and implementing of the concept of mobility in terms of Western and Eastern politics. Finally, designated some special characteristic of modernity discourse of mobility. In addition, author is considering the most challenging project of modernity – grouping «Islamic state».

Key words:

political Islam, madhab, discourse of mobility, discourse of changes, Islamic revolutions, Arab spring, Islamic state.